

КОНСТАНТИН ВЕЛИКИЙ В ТРАКТАТЕ «HISTORIA AUGUSTA»

В статье рассматриваются обращения к императору Константину Великому, содержащиеся в трактате «*Historia Augusta*». В науке устоялась точка зрения, что автор трактата, язычник, был настроен против Константина. Прямые обращения к императору, имевшие положительный оттенок, воспринимаются как сарказм или не привлекают внимания исследователей. Между тем, их анализ позволяет увидеть, что образ Константина у автора НА — не лишен положительных характеристик, достаточно сбалансирован и опирается на богатую нарративную традицию IV в.

Ключевые слова: *Historia Augusta*, История августов, Авторы жизнеописания августов, Константин Великий, Диоклетиан, Поздняя Римская империя, позднеантичная литература, латинские историки.

Constantine the Great in the *Historia Augusta*

In the ancient collection of Latin imperial biographies known under the title *Historia Augusta* (or *Scriptores Historiae Augustae*), the emperors Diocletian and Constantine the Great are sometimes mentioned as addressees of dedications. The references to Constantine are interesting for the reason that the text in question is an example of pagan historiography. The researchers of the treatise expressed the opinion that some moments parody episodes of Constantine's reign. According to the popular view, the pagan author was hostile to the first Christian emperor. At the same time, the author's direct appeals to the emperor have a rather positive connotation and show Constantine from the best side. Thus, the direct quotations of the ancient author and the allusions found by the researchers come into some contradiction. The author's appeals to Constantine themselves attracted less attention compared to allusions. The article is devoted to the direct appeals of the ancient author to Constantine. Their analysis allows us to see that Constantine's image in the *Historia Augusta* is not devoid of positive characteristics. He is presented as a noble emperor, a follower of the philosopher Marcus Aurelius, a fighter against slander and abuse, a patron of the arts and an educated person. The estimated time of writing (the turn of the fourth-fifth centuries AD), as well as the author's familiarity with the historiography of the fourth century AD,

which is noticeable in a number of fragments, suggests that the rich historical tradition about Constantine was available to the author of the *Historia Augusta*. By that time, the narrative tradition on Constantine was represented by authors of different directions — those were Christians (Lactantius, Eusebius), pagans (Julian, Eunapius) and religiously indifferent writers (Aurelius Victor, Eutropius, author of the *Epitome de caesaribus*). The use of this material allowed the author of the *Historia Augusta* to create a balanced image of Constantine with a few strokes, showing him both as a patron of literature and as the ruler of the Roman state.

Keywords: *Historia Augusta*, *Scriptores Historiae Augustae*, Constantine the Great, Diocletian, Later Roman Empire, Late Antique Literature, Latin historians.

Сборник императорских биографий, известный как «*Historia Augusta*» (далее — НА), — один из самых сложных памятников античной литературы, проблемы авторства и даты написания которого не решены до сих пор. Кроме героев биографий в сборнике в качестве адресатов сочинения упоминаются императоры рубежа III–IV вв. — Диоклетиан и его соправители, а также Константин Великий. Упоминания Константина интересны тем, что НА — произведение языческой литературы. В науке высказывались соображения, что автор-язычник негативно настроен к Константину и некоторые эпизоды являются завуалированным изложением событий из биографии этого императора¹. Впрочем, и помимо реконструкций в сборнике есть прямые указания на черты характера и эпизоды правления Константина, которые позволяют говорить о собственном взгляде автора на императора².

К Константину обращаются три «автора» НА³ — «Юлий Капитолин» (биографии Клодия Альбина, Максиминов и

¹ Высказывалось предположение, что биография императора Элагабала — языческая пародия на Константина (Turcan 1988: 38–52) и что в жизнеописании императора Кара и его сыновей содержатся отсылки к убийству Фаусты и Криспа, жены и сына Константина (Woods 1998: 80–83).

² Изучение аналогичных обращений к Диоклетиану: Moreno Ferrero 1984: 225–237.

³ Исходим из соображения, что имена авторов НА — псевдонимы. Доказываемая Г. Дессау (Dessau 1889: 337–392) концепция единого авторства, несмотря на отдельные попытки пересмотра, принимается в науке (Adams 1972: 186–194; Burgersdijk 2014: 139–141; Rohrbacher

Гордианов), «Элий Спартиан» (биография Геты) и «Элий Лампридий» (биографии Элагабала и Александра Севера). «Гребеллий Поллион» указывает, что жизнеописание Клавдия Готского он пишет по заказу Констанция Хлора, отца Константина Великого. Обращение «авторов» к Константину (и его отцу) создает у читателя видимость диалога, который оказывается иллюзией при внимательном взгляде на детали. Так, некоторые биографии «Юлия Капитолина» адресованы Диоклетиану; в рассказе же о династии Гордианов он, обращаясь к Константину, пишет, что император Лициний хотел считаться потомком императора Филиппа (НА: Gord. tres 34). Упоминание Лициния, зятя и соправителя Константина, в прошедшем времени допустимо лишь после 324 г., когда он был низложен и погиб в заточении. Таким образом, «Юлий Капитолин» должен был работать и при Диоклетиане, и при Константине в течение 20 лет, что неправдоподобно. Примечательно и указание «Юлия Капитолина» на семью Цейониев: «*familia hodie quoque, Constantine maxime, nobilissima est et per te aucta et augenda*»⁴ (НА: Clod. Alb. 4.2). Уверенность автора в высоком положении Цейониев могла быть основана на ретроспективном видении событий. В 315 г. двукратный консул Цейоний Руфий Волузиан был снят с должности префекта Рима и, как считается, отправлен в ссылку (Barnes 1975: 40–49; Chenault 2008: 43; Cameron 2011: 138). Карьера его сына, Цейония Руфия Альбина, консула в 335 г., стала возможна благодаря прощению со стороны императора. Таким образом, автор должен был знать о консуле 335 г., и, вероятно, о префектах Рима второй половины IV в. из этой семьи (Chastagnol 1962: 164–170; 233–236).

Итак, образ Константина в НА — это портрет, созданный в рамках существовавшей ко времени написания трактата традиции, т. е. к началу V в.⁵ (Rohrbacher 2016: 5–7). В НА Константин

2016: 3–15). Потому обозначение «авторов», названных по именам, даем в кавычках, чтобы отличать их от действительного автора НА.

⁴ Латинский текст источника приводим по изданию: (Hohl, Samberger, Seyfarth 1965). Источник доступен также в русском переводе С. П. Кондратьева: (Dovatur, Kondratiev 1992).

⁵ Установлено, что автор опирался на авторов IV века (Rohrbacher 2013: 146–180). Таким образом, ему был доступен и христианский, и языческий, и светский взгляды на Константина (Mirolyubov 2021: 14–28).

показан не только как император, но и как читатель⁶. Хронологическая последовательности в упоминаниях Константина в трактате нет, поэтому рассмотрим их в рамках двух этих групп.

Обращаясь к Константину-читателю, автор НА объясняет избранный им формат. «Элий Спартиан» предваряет биографию сына Септимия Севера Геты: «scio, Constantine Auguste, et multos et clementiam tuam quaestionem movere posse, cur etiam Geta Antoninus a me tradatur» (НА: Get. 1.1). Извинительный тон обусловлен малозаметностью Геты в римской истории и, соответственно, слабой информативностью его биографии. Впрочем, для автора НА это объяснение становится поводом показать другой подход от лица уже «Юлия Капитолина». В книге об императорах Максимианах он пишет: «ne fastidiosum esset clementiae tuae, Constantine maxime, singulos quosque principes vel principum liberos per singulos legere, adhibui moderationem, qua in unum volumen duos Maximinos, patrem filiumque, congererem; servavi deinceps hunc ordinem, quem pietas tua etiam ab Tatio Cyrillo, clarissimo viro, qui Graeca in Latinum vertit, servari voluit» (НА: Max. duo 1.1–2). В биографии Гордианов он говорит о привычке ряда историков посвящать каждому императору отдельную книгу, но затем замечает: «tres Gordianos hoc libro conexui, consulens et meo labori et lectioni tuae» (НА: Gord. tres 1). Заочная полемика «Юлия Капитолина» и «Элия Спартиана», предлагающих августейшему читателю разные форматы, добавляет «авторам» НА реальные черты. Реакция Константина не обозначена, что создает образ читателя, одинаково благосклонного к разным форматам⁷. Этот образ созвучен тому, что пишет сам Константин в письме к поэту Опатиану (Opt. Porph. Carm., p. 4 Müller): император изображает себя благосклонным (*benignus*⁸) покровителем разных литературных

⁶ Важнейший источник о Константине как читателе — переписка Константина и поэта Опатиана Порфирия. Разбор источника: Wienand 2017: 148–155; Körfer 2020: 124–147.

⁷ Благосклонность к авторам вкпе с занятостью очень удачно соотносится с известием Евсевия о том, что ученым занятиям Константин посвящал ночные часы (Vita Const. IV.29).

⁸ В разговоре с ветеранами, зафиксированном в Кодексе Феодосия, Константин заявляет: «magis magisque conveteranis meis beatitudinem augere deo quam minuire» (CTh. VII.20.2). В этих словах звучит одна из главных идеологических установок правления Константина: установление благоденствия под единоличным правлением после долгих лет усобиц и многовластия.

жанров (Körfer 2022: 133–134). Пристального внимания заслуживает и «светлейший муж Таций Кирилл⁹», выполнявший для Константина перевод каких-то императорских биографий. Как и большинство иных авторов, упоминаемых в НА, этот сенатор, вероятнее всего, является фиктивным персонажем (San Juan 2022: 488). Однако интересно, что «Юлий Капитолин» изображает Константина читающим не сами эти греческие книги, а именно их перевод. Во-первых, это ярко подчеркивает упадок латинской словесности в III в.¹⁰; во-вторых, придает реалистичность портрету Константина. Зная греческий язык (Euseb. Vita Const. III.13), император прибегал к помощи переводчиков во время официальных выступлений¹¹ и при чтении сложных текстов¹².

Таким образом, портрет Константина-читателя набросан хотя и мельком, но все же убедительно и в согласии с имеющимися источниками: император, несмотря на занятость, благосклонен к авторам, хотя и не все сочинения ему под силу по причине более слабого знания греческой словесности. Образ написан достаточно благожелательно.

Портрет Константина-правителя представлен в НА еще более широкими мазками, однако акценты автора интересны. Так, автор НА интересуется императорскими родословными, симпатизируя представителям знати. В этом смысле ему интересен Константин, который претендовал на родство с императором Клавдием Готским. В биографии Элагабала «Элий Лампридий» сообщает об изображениях предков «Константинов и Клавдиев» (sic!) в домашнем ларарии Константина Великого (НА: Heliog. 2.4). Он дает Константину обещание написать биографию Клавдия (Ibid. 35.2), однако в сборнике его

⁹ В рукописной традиции встречается вариант «Стаций Кирилл»: (Nohl, Samberger, Seyfarth 1965b: 3).

¹⁰ Основные историописатели III в. — греки (Кассий Дион, Геродиан, Дексипп). На греческом языке писал сенатор Азиний Квадрат, автор недошедшего сочинения «Тысячелетие». Крупное латинское сочинение этого времени — сборник императорских биографий Мария Максима (до нас он не дошел, но был известен автору НА).

¹¹ Евсевий указывает, что речь, произнесенную Константином на открытии Первого Вселенского собора на латинском языке, переводили для епископов на греческий (Vita Const. III.12–13).

¹² Аммиан Марцеллин сообщает, что тексты манихеев переводил для Константина Стратегий, прозванный им за образованность «Музонианом» (Res Gest. XIII.15.2).

биография приписана «Гребеллию Поллиону» и адресована отцу Константина, Констанцию Хлору. Там мы находим развернутый вариант генеалогической схемы: «Claudius, Quintillus et Crispus fratres fuerunt. Crispi filia Claudia; ex ea et Eutropio, nobilissimo gentis Dardanae viro, Constantius Caesar est genitus. Fuerunt etiam sorores, quarum una, Constantina nomine nupta tribuno Assyriorum, in primis annis defecit» (НА: Claud. Goth. 13.2). Крисп, Клавдия, Евтропий и Константина нигде более не упоминаются, что заставляет предполагать их фиктивность. Характерен выбор имен, который находит параллели в семье Константина Великого. У него была сестра Евтропия, сын Крисп и дочь Константина. «Дарданское» происхождение Евтропия позволяет обыграть место его рождения — область Дарданию, а также мифические корни родословной: в той же биографии указано, что Клавдий Готский ведет свой род от предков троянских царей — «ab Po Troianorum atque ab ipso Dardano» (НА: Claud. Goth. 11.9). Подробная и уникальная в целом ряде деталей схема вызвана тем, что автора не удовлетворяли скудные известия официальных источников (Mirolyubov 2021: 86–96), потому он попытался предложить свой взгляд. Родословная Константина — не единственная у автора НА, но наиболее яркая, так как он нагромождает вымысел не на пустом месте, а на основе из официальных (и неконкретных) заявлений двора Константина о его родстве с Клавдием.¹³

Знатность была для Константина деталью, подкрепляющей его претензии на верховную власть. Автор НА, от лица «Элия Лампридия» в биографии Элагабала, пишет по этому поводу: «...illud, quod clementiam tua solet dicere, credidi, esse respiciendum: “Imperatorem esse fortunae est”. Nam et minus boni reges fuerunt et pessimi. Agendum vero, quod pietas tua solet dicere, ut sint imperio digni, quos ad regendi necessitatem vis fatalis adduxerit» (НА: Elag. 34). Изречения императора, несомненно, выдуманы автором, однако они верно передают воззрения Константина¹⁴ и показывают заочный диалог историка с этим

¹³ Верное замечание Д. Рорбахера о стремлении автора «играть с источниками» (Rohrbacher 2013: 175). Примеры родословных — связь Клодия Альбина с семьей Цейониев (НА: Clod. Alb. 4) или упоминание родственников императора Пупиена (НА: Max. et Balb. 5).

¹⁴ Хотя Константин и был сыном императора, но получение им титула не было само собой разумеющимся фактом. Он был провозглашен

правителем. Родовитый император или император с именем для автора НА не является однозначно «хорошим» (Scholtemeijer 1976: 113). Особого внимания заслуживает напоминание о «хороших» и «плохих» императорах, в котором в первом приближении соблазнительно услышать критику Константина, начатую по инициативе его племянника Юлиана в середине IV в. (Bleckmann 2006: 25–28; Miroljubov 2021: 25–28).

Итак, «хороший» или «плохой» император Константин для автора НА? Исследователи, имея в виду языческое мировоззрение автора НА, вкупе с угадываемыми аллюзиями на неприглядные стороны биографии Константина, полагают, что в НА он — скорее «плохой» и осмеиваемый император (Turcan 1988: 38–52; Bird 1997: 9–18; Gómez 2018: 85–88). Впрочем, обратимся не к аллюзиям, а к немногочисленным, но прямым сообщениям автора НА о правлении Константина.

В жизнеописании Элагабала «Элий Лампридий» указывает, что этот император опорочил «Antoninorum nomen». Обращаясь к Константину, автор пишет об «имени Антонинов»: «quod tu, Constantine sacratissime, ita veneraris, ut Marcum et Pium inter Constantios Claudiosque, velut maiores tuos, aureos formaveris adoptans virtutes veterum tuis moribus congruentes et tibi amicas caras» (НА: Heliog. 2.4). Антонины — любимые автором НА императоры¹⁵, потому разбрасываться уподоблениями им кого-то из императоров с целью насмешки он не станет. Надо отметить, что литература второй половины IV в., не считая агрессивной языческой публицистики, давала и достаточно сбалансированные характеристики правления Константина. У Аврелия Виктора (De caes. 41.16–21), Евтропия (Brev. X. 5–8), анонимного автора «Извлечений о цезарях» (Eritome de caes.

армией отца и защитил титул в борьбе с большим количеством соперников.

¹⁵ Желание подражать Антонинам автор НА приписывает императору Гордиану, который ему симпатичен (НА: Gord. tres 3.3; 4.7–8), а также Диоклетиану. Интересно сравнить с Диоклетианом Константина, который также изображен в НА почитающим Антонинов. О втором автор НА пишет: «tu ... adoptans virtutes veterum tuis moribus congruentes» (НА: Heliog. 2.4). О Диоклетиане и его соправителях сказано: «saepe dicitis vos vita et clementia tales esse cupere, qualis fuit Marcus» (НА: M. Anton. Philosoph. 19.12). Иными словами, Диоклетиан и его соправители только на пути к доблестям Антонина Пия и Марка Аврелия, а Константин уже достиг определенного соответствия образцам.

41.11–18) мы находим динамичный образ императора, который обладая определенными достоинствами, поменялся в несколько худшую сторону в поздние годы правления. Все три историка знакомы автору НА (Burgersdijk 2010: 40–41)¹⁶. Кажется, что он учитывает их взгляд на Константина. Говоря о «доблести древних»¹⁷ он признает достоинства императора. При этом замечательно обещание «Элия Лампридия» написать биографии соперников Константина, сопровождаемое следующей ремаркой: «non enim ego id faciam, quod plerique scriptores solent, ut de his detraham, qui victi sunt, cum intellegam gloriae tuae accedere, si omnia de illis, quae bona in se habuerint, vera praedicarо» (НА: Elag. 35.7). Эта мысль созвучна упрекам Константину в тщеславии и в жестокосердии, которые он стал проявлять после побед над своими соперниками (Eutrop. Brev. X.6.3). Однако саму славу Константина, обретенную им в войнах с соперниками, автор НА отнимать не стремился.

Единственным конкретным замечанием о свершениях Константина в НА является отрывок из жизнеописания Александра Севера. «Элий Лампридий» рассказывает о том, как этот император боролся со своеволием своих рабов, вольноотпущенников и домашнего окружения (*amicos et parentes*¹⁸), и, обращаясь к Константину, пишет: «scio, imperator, quod periculo ista dicantur apud imperatorem, qui talibus serviit, sed salva re publica posteaquam intellegisti, quid mali clades istae habeant et quemammodum principes circumveniant, et tu eos eo loci habes, ut nec clamide uti iusseris, sed de necessitatibus domesticis delegaris» (НА: Alex. Sev. 67). Наставительный тон обращения обнаруживает несомненно фиктивный характер диалога «Элия Лампридия» и императора. На первый взгляд, автор НА затрагивает здесь тему кадровой

¹⁶ «Юлий Капитолин» даже цитирует некоего «Аврелия Виктора по прозвищу Пиний» (НА: Opil. Masc. 4.2). Идентификация названного автора с историком IV века принимается в науке с известной осторожностью (Burgersdijk 2010: 44; Rohrbacher 2016: 25; Burgersdijk 2017: 33–46), тем более что цитата у автора НА не является цитатой из произведения историка.

¹⁷ Этому созвучна оценка Аврелия Виктора, который, говоря о смерти Константина, пишет: «populus Romanus aegerime tulit, quippe cuius armis legibus clementi imperio quasi novatam urbem Romam arbitraretur» (De caes. 41.17).

¹⁸ С. П. Кондратьев в своем переводе (Dovatur, Kondratiev 1992) предложил термин «родственники», однако слово кажется отсылкой к образу властной матери Александра Севера.

политики Константина, критическое осмысление которой началось в правление его племянника Юлиана¹⁹. Однако обращает на себя внимание схожее замечание и о правлении Диоклетиана. Автор НА цитирует якобы сожаления самого этого императора уже после его отречения: «colligunt se quattuor vel quinque atque unum consilium ad decipiendum imperatorem capiunt, dicunt, quid probandum sit. <...> bonus, cautus, optimus venditur imperator» (НА: Aurel. 43). Несмотря на сходство пассажей, они показывают императоров в разных состояниях. Диоклетиан оказался бессилён перед лицом ближайшего окружения: он, уже после отречения, изображён сетующим на его своеволие. Ситуация оставалась такой и после его ухода из политики, коль скоро и Константин, один из преемников Диоклетиана, также находился под влиянием придворной среды, но до поры, когда он осознал пагубность такого положения вещей. Сложно сказать, насколько сообщения автора НА верны применительно к Александру Северу и Диоклетиану²⁰, однако известие о Константине находит параллель в его законодательстве. Так, в 325 г. Константин адресует «всем провинциалам» предписание, согласно которому всякий гражданин, имея данные о проступках «судей, комитов, друзей или придворных», мог подать жалобу лично императору²¹ (CTh. 9.4.1). Таким образом, выход императора из-под пагубного влияния окружения при Константине был если не реализован, то, по меньшей мере, декларирован. Интересна также разрабатываемая Б. Потье мысль о том, что жизнеописание Александра Севера было своеобразным наставлением для сыновей Феодосия Великого –

¹⁹ Об этом сообщает Аммиан Марцеллин, хотя и отмечает изъяны кадровой политики самого Юлиана (Amm. Marc. Res gest. XXI.12.25). Сходная критика Константина присутствует у Аврелия Виктора (De caes. 41.20) и у Зосима (Hist. Nov. II.33–34).

²⁰ Частые перемещения Диоклетиана по империи вкупе со сложной ситуацией на границах действительно могли не оставлять ему много времени заниматься вопросами внутренней жизни государства. Характерно и то, что в последние годы правления тяжело болевший Диоклетиан находился под контролем своего младшего соправителя Галерия (Mirolyubov 2019: 781–789).

²¹ Комментарий: (Dillon 2012: 97–108). Указ Константина, видимо, запомнился, коль скоро в конце IV в. анонимный латинский историк пишет об императоре: «commodissimus tamen rebus multis fuit: calumnias sedare legibus severissimis <...>, audire legationes et querimonias provinciarum» (Epitome de caes. 41.14).

Аркадия и Гонория (Pottier 2016: 405–418). В этом случае первый император-христианин Константин, вышедший из-под дурного влияния окружения, мог быть подобран языческим автором в качестве образца, наиболее подходящего для христианских императоров V в.

Подведем итоги. Автор НА имел возможность познакомиться с личностью Константина на основании богатой традиции, существовавшей к рубежу IV–V вв. Это и *testimonia* императора (законы, письма), и сочинения историков, в том числе не чуждых критики. Образ Константина встречается на страницах НА нечасто, однако он примечателен своей глубиной. Автору, как представителю латинской литературы и как историку со своим мировоззрением, Константин интересен как читатель (и покровитель литературы) и как правитель. В первом случае Константин изображен достаточно просвещенным читателем, стремящимся к расширению своего кругозора. Такой образ императора несколько необычен для представителя языческой историографии. Константин-правитель изображен в НА далеко не в панегирических тонах. Автор признает его родовитость, но считает ее, как и в случае с другими императорами, недостаточным условием, чтобы быть «хорошим». В тексте слышны упреки в тщеславии (вспомним обещание написать биографии соперников Константина), призывы быть «достойным императорской власти». Однако автор НА признает славу Константина, полученную им, в том числе, в борьбе с соперниками²². Также автор отмечает борьбу Константина с пагубным влиянием придворных, что, несомненно, является атрибутом «хорошего» императора. Таким образом, Константин показан в целом как положительный деятель, личность и правление которого, однако, имели свои негативные стороны в римской истории. Этот достаточно сбалансированный образ вступает в резкое противоречие с аллюзиями на правление императора, которые находят исследователи в тексте НА. Для обоснования правдивости этих аллюзий предлагалось, среди прочего, рассматривать комплиментарные замечания о Константине как сарказм

²² Примечательный момент у языческого автора. К примеру, Юлиан преуменьшает значение побед Константина (Iul. Caes. 328d–329a). Язычник Зосим возлагает на Константина вину за начавшийся кризис тетрархии (Zos. Hist. Nov. II.8.2; 9.1); представляет именно его инициатором войн с Максенцием (Ibid. 15) и оба раза – с Лицинием (Ibid. 18.1; 22.1–2).

(Gómez 2018: 64). Однако такой взгляд кажется упрощенным; скорее резонно поставить вопрос о том, насколько верны аллюзии, угадываемые исследователями. Все это говорит о том, что текст НА все еще предоставляет, даже в самых мелких частностях, широкий простор для исследований.

Литература

- Adams, J. N. 1972: On the Authorship of the *Historia Augusta*. *The Classical Quarterly* 22 (1), 186–194.
- Barnes, T. D. 1975: Two Senators under Constantine. *The Journal of Roman Studies* 65, 40–49.
- Bird, H. W. 1997: The *Historia Augusta* on Constantine's Lineage. *Arctos* 31, 9–18.
- Bleckmann, B. 2006: Sources for the History of Constantine. In: Lenski N. (ed.). *The Cambridge Companion to the Age of Constantine*. New York: Cambridge University Press.
- Burgersdijk, D. 2010: *Style and structure of the Historia Augusta* (PhD Thesis). Amsterdam: Universiteit van Amsterdam.
- Burgersdijk, D. 2014: De Structuur van de *Historia Augusta*. *Lampas* 47 (2), 138–157.
- Burgersdijk, D. 2017: Aurelius Victor, Festus and the Others. Minor Historians and Anonymous Sources in the *Historia Augusta*. In: Bleckmann, B., Brandt, H. *Historiae Augustae Colloquium Dusseldorpiense XIII*. Bari: Edipuglia. 33–46.
- Cameron, A. 2011: *The Last Pagans of Rome*. New York: Oxford University Press.
- Chastagnol, A. 1962: *Les Fastes de la Préfecture de Rome au Bas-Empire*. Paris: Nouvelles Éditions Latines.
- Chenault, R. R. 2008: *Rome without Emperors: The Revival of a Senatorial City in the Fourth Century CE* (PhD Thesis). The University of Michigan.
- Dessau, H. 1889: Über und Zeit Persönlichkeit der Scriptorum *Historiae Augustae*. *Hermes* 24, 337–392.
- Dillon, J. N. 2012: *The Justice of Constantine: Law, Communication and Control*. Ann Arbor: The University of Michigan Press.
- Dovatur, A. I., Kondratiev, S. P. 1992: *Vlasteliny Rima [Masters of Rome]*. Moscow: Nauka. Доватур, А. И., Кондратьев, С. П. 1992: *Властелины Рима*. М.: Наука.
- Gómez, M. P. S. 2018: *La religión del autor de la «Historia Augusta»*. Murcia: Centro de Estudios del Próximo Oriente y la Antigüedad Tardía.
- Hohl, E., Samberger, Ch., Seyfarth, W. 1965a: *Scriptores Historiae Augustae*. Volumen I. Lipsiae: in aedibus B.G. Teubneri.
- Hohl, E., Samberger, Ch., Seyfarth, W. 1965b: *Scriptores Historiae Augustae*. Volumen II. Lipsiae: in aedibus B.G. Teubneri.

- Körfer, A.-L. 2020: *Kaiser Konstantin als Leser: Panegyrik, Performance und Poetologie in den Carmina Optatians*. Berlin; Boston: Walter de Gruyter.
- Miroyubov, I. A. 2019: [Diocletian's Nightmares and the Crisis of the First Tetrarchy]. *Indoeuropeiskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya [Indo-European linguistics and classical philology]* 19, 781–789.
- Миролубов, И. А. 2019: О сновидениях императора Диоклетиана и кризисе Первой тетрархии. *Индоевропейское языкознание и классическая филология* 23, 781–789.
- Miroyubov, I.A. 2021: *Dinasticheskaya politika imperatora Konstantina Velikogo [The Dynastical Policy of Constantine the Great]*. Saint-Petersburg: Aleteya.
- Миролубов, И. А. 2021. *Династическая политика императора Константина Великого*. СПб: Алетейя.
- Moreno Ferrero, I. 1984: La figura de Diocleciano en la Historia Augusta. *Studia Historica: Historia Antigua II–III* (1), 225–237.
- Pottier, B. 2016: La biographie d'Alexandre Sévère dans l'Histoire Auguste: un miroir des princes Honorius et Arcadius. In: Freu, C., Janniard, S., Ripoll, A. «*Libera curiositas*». *Mélanges d'histoire romaine et d'Antiquité tardive offerts à Jean-Michel Carrié*. Turnot: Brepols. 405–418.
- Rohrbacher, D. 2013: The Sources of the Historia Augusta Re-examined. *Histos* 7, 146–180.
- Rohrbacher, D. 2016: *The Play of Allusion in the «Historia Augusta»*. Madison: The University of Wisconsin Press.
- San Juan, G. E. 2022: History and Fantasy on Acholius, the Biographer. *ΣΧΟΛΗ: Ancient Philosophy and the Classical Tradition* 16 (2), 482–492.
- Scholtemeijer, J. 1976: Historia Augusta: Nomen Antoninorum. *Acta Classica* 19, 105–113.
- Turcan, R. 1988: Héliogabale précurseur de Constantin? *Bulletin de l'Association Guillaume Budé* 1, 38–52.
- Wienand J. 2017. Publilius Optatianus Porfyrius: The Man and His Book. In: Squire M., Wienand J. (eds.). *Morphogrammata / The Lettered Art of Optatian: Figuring Cultural Transformations in the Age of Constantine*. Paderborn: Wilhelm Fink. 121–163.
- Woods, D. 1998: On the Death of the Empress Fausta. *Greece & Rome* 45 (1), 70–86.